Львов Николай Александрович

25.2.95.

Мечтания среди зала

Зал — в Музее архитектуры. Выставка — из истории архитектуры. О жизни и работах уникального мастера, у которого есть своя история. Отличная от окружающей. Просмотрев её, понимаешь, что вышел довольно странный казус.

История вывелась. Она осталась на территории двух столиц. И есть только один архитектор, чьи постройки украшают усадебное захолустье. Гниют с годами и все равно стоят. Архитектор, символизирующий целую культуру. Имя его — Николай Львов. Дилетант, бывший еще известным композитором, поэтом. И даже знаменитым семьянином. Из сестер Дьяковых популярностью (Левицкому спасибо) пользуется младшая, Маша. Жена. Радость. Мягкая и чуть лукавая. Смешливая.

Вначале было Арпачево. Простая на вид и хитро овальная внутри церковь, поросшая теперь березами, с колокольней, похожей на каланчу. Потом уже были Раек (Глебов-Стрешнев добрый человек, царствие ему, в Успенском-Старицком покоится), кулич-пасха, Екатерина в Валдае, собор в Могилеве, Митино, Василево. Дети — удача. Больше — лучше. В Грузинах теперь психушка. А Раек в лесах. Пионеры разносили. Теперь пуст. И духа сербских гусар не осталось. К черту.

В Никольском — памятник себе рукотворный — с двойным куполом, кессоны красивые, объектив не оторвешь. Говорят, ирмосы, что сочинил, здесь и выстроил. Врут, наверно. Зачем такие каверзы классику? Еще стиховые задачки строят. С Державиным аналогии. Строение. Гавриле, жизнь никольская. Бред. Стезя архитекторов, пьяного и трезвого. Променял свет на черемчичную похлебку. Мечтатель. Идеалист. Палладианец.

Что оно значит? Округлое, в колоннах и галереях, с продырявленным верхом и кружком света, ползущим по стене. Чей это взор все ходит? Какое пространство. Какие любящие, знающие пальцы создали их? В дымке междуарочья, в прорези ворот, в талии колокольни то же и то же. Как он умел дотрагиваться! Смущение. Рисунок капителей. Сквозящая вниз улыбка. Уголки глаз. Будни.

Столица. 1995. 23 февр. с. 10.

АЛЕКСАНДР ИВАНИШИН

Он живет в сиянии классики, в западне фигур и гармоний, в контурах полукружий, в пространстве намеков и пауз. Простой, как синтаксис Цицерона. Редкий для того избыточного столетия русский архитектор, который дарит постройками совершенно недвусмысленное чувство. Удовольствие, не таящее за собой сомнений. Не требующее усилия — ни растрелиевского обжорства, ни камероновской осанистости. Спокойное, как архитектурный трактат. Непринужденною рукой неторопливой.

Валентин КОРНЕВ